

Листья орхидеи, сочные и узкие, буйно тянулись вверх, а иные живописно ниспадали книзу. Нежно-фиолетовые лепестки кучковались в пышные соцветия. Этот горшок Чжу Чэньюань когда-то привёз из инспекционной поездки; сам он постоянно забывал о поливе и почти заморил растение — листья уже совсем пожелтели. Зато под заботливой рукой Хуай Яня орхидея расцвела и налилась жизнью. Глядя на неё, Хуай Янь каждый день заряжался бодростью.

Утром он отвёл совещание в компании, а вечером отправился на экспериментальную базу.

Машина Чжан Цзюньхао заранее ждала у здания базы: тот вознамерился сразу после работы забрать Хуай Яня на холостяцкую вечеринку накануне собственной свадьбы.

Хуай Янь вышел уже к девяти вечера. В Подземном городе девять часов — время комендантского часа. Без особых причин на улицах никто не появлялся, лишь ночные патрули Управления безопасности добросовестно несли службу.

Но пока Центральный квартал погружался в мёртвую тишину, на другом конце Подземного города, на улице Миинь, кипела совершенно иная жизнь.

Улица Миинь, местный район красных фонарей, лежала на стыке трёх подземных секторов и давно превратилась в ничейную землю. Здесь царили собственные жестокие законы: никакого комендантского часа, повсеместное насилие, преступность, наркотики и чёрный рынок.

Пять лет назад в Подземном городе ввели тотальный запрет на огнестрельное оружие, но здесь им по-прежнему торговали на каждом углу. Бесконечные похищения, убийства, работоторговля — настоящий ад на земле.

А ведь ещё десяток лет назад улица Миинь называлась Тринадцатым районом и была обычным трущобным кварталом.

Хуай Янь помнил, как мальчиком часто ездил с отцом в местный приют наносить визиты сиротам. Детям там было от роду кто с грудничка, кто постарше — лет до тринадцати. Все как один замарашки: лица измазаны чёрной грязью, словно уличные котята. Чтобы не возиться, и мальчикам, и девочкам остригали волосы под корень и одевали в одинаковые сиротские робы. Хуай Янь вглядывался в их ряды, но не мог ни различить пол, ни запомнить лица.

Десятилетний Хуай Янь разительно отличался от них: в чистенькой аристократической школьной форме он шествовал за отцом, пожимал детские ладошки, обнимался для протокольных поцелуев.

Ему это было противно. При каждом объятии в нос шибало запахом сырой грязи, пота и застарелой мочи. Но за спиной стояли журналисты с объективами телекамер, и отец заставлял его улыбаться, изображать сочувствие, произносить пламенные речи и детским, ещё не сломавшимся дискантом подбадривать сирот.

Закончив выступление, Хуай Янь отходил в угол и тихо наблюдал за ними. Лишь тогда в нём просыпалось настоящее сострадание. Дети были настолько истощены, беспомощны, беззащитны... Что они могли сделать со своей жизнью?

Позже в Подземном городе вспыхнула смута, Тринадцатый район превратился в ничейную зону, а благодетели с телекамерами — вместе с его собственным отцом — напрочь забыли о его существовании.

Когда Хуай Янь заводил разговор о приюте Тринадцатого района и о детях, которых обнимал перед объективами, отец лишь отмахивался сухо и равнодушно:

— Война жестока, смертей не избежать. Я не Господь Бог. Да и будь я им, всех не спасешь.

А однажды утром Хуай Янь сбежал в Тринадцатый район сам. На месте приюта дымилось пепелище. Всюду витала гарь и пороховой дым. Мужчины, женщины, дети метались в панике, плакали. Лица ребятишек снова были вымазаны грязью и кровью. Они всё так же ютились в беспомощности, не имея ничего.

Прознав о побеге сына, отец немедленно выслал за ним спецмашину. Внедорожник был довольно вместительным, но из ближайших развалин Хуай Янь сумел увести лишь одиннадцать уцелевших детей. Восемьмерых набилось в салон, а троих крепышей пришлось усадить прямо на крышу.

В салоне царила невероятная теснота. Хуай Янь прижался к открытому окну, стараясь занимать как можно меньше места, и вылупился наружу — он не смел оглянуться на детей, продолжавших биться в агонии на улицах района, не смел вслушиваться в их плач.

На крутом повороте один из мальчиков на крыше соскользнул вниз. Хуай Янь неожиданно столкнулся взглядом с зависшим вниз головой детским лицом. Личико было заляпано грязью и кровью — впрочем, кровь была не его, а чужая: мальчик испачкался, пока помогал Хуай Яню затаскивать малышей.

На этом чумазом лице только глаза оставались чистыми и ясными — они смотрели на Хуай Яня с растерянностью и испугом.

От неожиданности Хуай Янь вздрогнул, но тут же опомнился, вцепился в руку соскальзывавшего мальчишки и заорал водителю: «Тормози!»

Шофёр даже не подумал сбросить скорость. Мальчик полз ниже, но Хуай Янь держал его мёртвой хваткой и закричал, что если машина не остановится, он выпрыгнет следом.

Водителю пришлось уступить. Хуай Янь втащил мальчишку в салон. На порванных штанинах проступали кровавые ссадины.

От одного взгляда на эти разбитые колени у Хуай Яня самого всё сжалось внутри. Он сдёрнул свою чистую школьную куртку и накрыл ноги ребёнка.

Как раз в этот момент сидевший на переднем сиденье охранник получил новый приказ, вышел из машины и отправился пешком назад.

Хуай Янь перебрался на освободившееся переднее место. А спасённый мальчик занял его прежнее сиденье и до самого конца пути, мёртвой хваткой вцепившись в куртку Хуай Яня, не отрывал темных глаз от профиля своего спасителя.

Позже Хуай Янь слышал, что отец всё же постарался вывезти из Тринадцатого района оставшихся в живых женщин и детей, и те одиннадцать ребятишек тоже попали в пункт приёма беженцев.

Куда их переправили потом, Хуай Янь не знал.

Когда смута в Подземном городе окончательно улеглась, кто-то дал Тринадцатому району «изящное» название — улица Миинь. Так возник знаменитый квартал красных фонарей.

Если бы не холостяцкая вечеринка близкого друга, Хуай Янь ни за что не появился бы в этих местах, хотя их машина лишь слегка задела край улицы Миинь.

Но даже через половину улицы проглядывали шатающиеся тени: пьяные вдрызг или обдолбанные до потери человеческого облика ходячие трупы — одни валялись на тротуарах, другие бродили полуголыми.

Три представительных бизнес-вэна, прорезавших пропитанные смогом переулки, сразу привлекли внимание этих отбросов. Сидя за бронированным стеклом, Хуай Янь буквально физически ощущал их хищные, голодные взгляды. Не будь на машинах символики Трёх великих кланов, эта свора мгновенно бросилась бы напролом, чтобы разорвать их на куски.

Заведение, где проходила вечеринка, тоже подпадало под закон о комендантском часе. Однако на фешенебельный клуб, отделенный от квартала красных фонарей лишь широкой мостовой, Управление безопасности закрывало глаза. Все знали: это приют роскоши, возведённый на деньги и власть, вертеп для развлечений высшей знати.

Впрочем, по своей сути он ничем не отличался от клоаки напротив.

Толкнув массивные двери клуба, Хуай Янь вошёл внутрь. Народу набилось полно, и почти каждый был с ним знаком. Хуай Янь ответил на приветствия и задержался на пару слов с несколькими деловыми партнёрами.

Грохотали басы. На сцене танцоры и танцовщицы в микроскопических полосках ткани, едва прикрывавших интимные места, отжигали в откровенном танце. Среди них мелькали даже знакомые по телеэкранам лица. Толпа снизу заходила в экстазе.

Виновник торжества, Чжан Цзюньхао, тоже обрелся на сцене. Заметив Хуай Яня, он переждал трек и подошёл, ведя за собой популярного актёра. Закинув руку Хуай Яню на плечо, он чуть отвёл его в сторону:

— Наконец-то! Только тебя и ждём. Знакомься, это...

Официант уже поднёс поднос с сигарами и зажигалкой. Хуай Янь взял сигарету, от зажигалки отказался и мазнул взглядом по спутнику Цзюньхао. На душе сделалось тошно: эта вечеринка устраивалась не только для жениха, тот решил позаботиться и о нём.

— Я знаю. Звезда экрана, Гао Лимин, — перебил Хуай Янь.

— Ну раз знаешь, вдаваться в подробности не буду. Гао Лимин очень хотел с тобой сойтись, — Чжан Цзюньхао наклонился к самому уху Хуай Яня и зашептал с ехидной ухмылкой: — Я ж не твой пустоголовый зам! Ты посмотри, кого тебе Лао Ци приволок — что за заморыш? Сколько лет с тобой бок о бок работает, а до сих пор не усвоил, какие мужики тебе нравятся! Готов спорить, ты того паренька вчера с кровати спустил. А вот сегодняшним точно останешься доволен.

Хуай Янь без тени улыбки лёгким пинком наградил его по голени:

— Вали давай, развлекайся.

Чжан Цзюньхао хохотнул, двусмысленно похлопал его по плечу, давая пространство для знакомства, и сунул Хуай Яню в ладонь карточку от номера на верхнем этаже. После чего, пританцовывая, уплыл обратно в беснующуюся толпу.

Хуай Янь прикусил сигарету. Гао Лимин мгновенно вытащил из кармана элегантную зажигалку и щелкнул огоньком.

Хуай Янь отступил на полшага, не став подносить сигарету к пламени.

Опёршись спиной о стену, он снизу вверх окинул актёра холодным взглядом. Актёр был чуть выше его ростом; облегающий костюм подчеркивал подтянутую фигуру. Хуай Янь видел фильмы с его участием — на экране тот появлялся полуобнаженным, и мускулатура там выглядела куда более естественной, чем эти накачанные объёмы.

Кинозвезда улыбался с видом триумфатора, будто исход встречи был предreshён.

— Господин Хуай, не хотите пройти к бару, выпить чего-нибудь? — с ходу предложил актер, кивнув в сторону барной стойки.

Когда Хуай Янь молчал, уголки его губ слегка приподнимались сами собой, но сейчас они были сурово поджаты, нагоняя ледяную отстранённость.

— Я не курю и не пью, — Хуай Янь вынул сигарету изо рта и небрежным щелчком пальцев отправил её в урну.

Актер привык купаться во всеобщем поклонении, и прямой отказ больно ударил по его тщеславию. Лицо на мгновение перекосило, но он быстро взял себя в руки, закурил сам и прищурился:

— И что же вам по душе? Поделитесь.

Хуай Янь направился к выходу:

— Я люблю тишину.

Хуай Янь пробыл в клубе от силы полчаса. Отбив номер и не вынеся удушливого угара, он, игнорируя намеки и попытки актера задержать его, покинул заведение.

На улице наконец удалось глотнуть свежего воздуха. Хуай Янь прислонился к стене у входа и достал пачку с зажигалкой. Охранники, расставленные Чжан Цзюньхао по обе стороны от дверей, тут же оживились и подались к нему, принимая защитные стойки. Старший осторожно поинтересовался, не подать ли машину.

Хуай Янь качнул головой и попросил дать ему пару минут подышать и докурить.

Охрана обступила его плотным кольцом. Хуай Янь усмехнулся: ему не нравились эти надзорные стойки, да и воздух они перекрывали.

Он сделал жест рукой, приказывая им не дергаться, и, огибая угол здания, отшагнул вдоль улицы на пару метров. Ему просто хотелось спокойно выкурить сигарету.

Однако он недооценил хаос района красных фонарей. Нашлись смельчаки, дерзнувшие пересечь границу. Не успел Хуай Янь докурить сигарету до середины, как за его спиной возник человек и уткнул дуло пистолета ему прямо в лопатку.

— Быстро отдавай всё ценное! Не то башку разнесу! — прошипел грабитель над самым ухом. От него разило перегаром так, что Хуай Янь едва не вывернуло.

Хуай Янь мысленно проклял свою беспечность: он стоял аккурат в слепой зоне охранников.

Доставая часы и бумажник, он с досадой подумал, что годы сытой жизни притупили реакцию — он даже не слышал чужих шагов.

Впрочем, дело было не в рассеянности. Грабитель караулил здесь давно. Прознав о закрытой вечеринке богатеев, он рискнул выбраться из трущоб, но к охраняемым дверям подходить побоялся, затаившись в подворотне. И тут такой подарок — жертва сама вышла к нему. Имея в кармане пушку, он не мог упустить такой куш.

Наличности в кошельке почти не было. Карточки и документы грабитель брезгливо отбросил, сгреб купюры и быстро сцапал дорогие часы.

Глаз у пропойцы оказался наметанным: заметив на манжетах Хуай Яня сапфировые запонки, он без церемоний сдёрнул и их.

— Всё, больше ничего нет, — процедил Хуай Янь, теряя терпение.

— Не дергайся... — пистолет всё ещё упирался в спину.

Мужчина решил обшарить карманы брюк. Убедившись, что они пусты, он поддел полы пиджака и наткнулся на нож, висевший на поясе.

Сапфир, инкрустированный в рукоять, блекнул даже на фоне часов и запонок — вещь стоила целое состояние. Глаза грабителя вспыхнули, он махом выхватил клинок и, не теряя ни секунды, дёрнул через дорогу.

— Сука! — выругался Хуай Янь.

На деньги и часы ему было плевать, но только не на этот нож.

Хуай Янь рванул следом за ним. Охрана заметила переполох, передала по рации Чжан Цзюньхао, и вся кавалькада бросилась через дорогу в глубь района красных фонарей.

Хуай Янь преследовал вора по узким, извилистым переулкам трущоб, где грязь и криминал проступали без всяких украс.

Драки, торговля людьми, наркотический угар, крики о помощи. Среди пьяных тел, валявшихся

на асфальте, из дверей с кричащими вывесками то и дело вылетали избитые люди, а выбегавшая следом свора добивала ногами несчастных. Прохожие лишь равнодушно скользили взглядами мимо.

Хуай Янь висел у грабителя на пятках. Тот юркнул в двери пышного здания, подсвеченного красными огнями — самый известный бордель хостов в округе. Сбивая с ног разгорячённую толпу в холле первого этажа, они один за другим взлетели по лестнице на второй этаж.

На последней ступени грабитель оступился и растянулся на полу. Хуай Янь мгновенно накрыл его сверху, заломил руку за спину и выбил пистолет. Лишь взяв оружие в руки, он понял, почему тот не стрелял — магазин был пуст.

— Больно! Вывернешь же! — завопил вор, корчась от боли. — Забирай всё, отдай только руку!

Задерживаться Хуай Янь не собирался. Вытащив из кармана грабителя свой нож, он вернул его в ножны на поясе и поднялся.

Грабитель на карачках удрал в глубь коридора второго этажа и мгновенно растворился во тьме.

Хуай Янь уже собрался спуститься тем же путём, когда снизу донеслись голоса:

— Брат Лун, я своими глазами видел! Это точно Хуай Янь! Нынче ночью мы обязаны его сцапать. Я перекрыл оба выхода, ему не отвертеться.

Хуай Янь мысленно сплюнул. Надо же было так влипнуть — столкнуться с заклятыми врагами в борделе!

Спускаться вниз нечего было и думать. Хуай Янь поднял глаза и двинулся по коридору следом за удиравшим вором: там наверняка есть ещё один выход, скорее всего, ведущий на задний двор.

Он огляделся: в конце коридора виднелось окно. На крайний случай придется прыгать со второго этажа. Сигнал тревоги он уже отправил, Чжан Цзюньхао и Ци Елян должны были получить его координаты. Главное — продержаться до их прихода.

Но у второго выхода на втором этаже уже дежурили люди. Хуай Яню ничего не оставалось, как подняться на третий этаж.

Коридор третьего этажа тянулся долго. Из-за дверей с ужасной звукоизоляцией доносились мужские стоны — то ли от боли, то ли от дикого удовольствия. Хуай Яню не нужно было объяснять, чем занимаются в этих комнатах.

Все двери были наглухо закрыты, кроме самой последней, стоявшей поджато на пару

сантиметров.

Тяжёлый топот шагов уже огласил лестницу третьего этажа. Не раздумывая, Хуай Янь толкнул дверь, юркнул внутрь и бесшумно прикрыл её за собой.

Прильнув к глазку, он увидел, как на этаж высыпала орава из шести-семи человек.

— Где он?

— Сбежал?

— Не мог! Наши перекрыли все выходы. На втором его нет, значит, он точно здесь!

Один из преследователей принялся дергать ручки дверей. Подав знак остальным, он с размаху выбил ближайшую дверь. Из номера донесся женский визг и отборная мужская ругань.

На порог выскочил накачанный мужик в одном полотенце:

— Совсем страх потеряли?! Кто разрешил портить мне кайф?!

В трущобах действовали свои законы, и с этим типом преследователи связываться не рискнули. Чертыхаясь, они предпочли убраться восвояси.

Хуай Янь перевёл дух и огляделся.

Убранство комнаты поражало безвкусицей. Под потолком мигали ядовито-яркие разноцветные гирлянды. Интенсивные вспышки оставляли на сетчатке резкие пятна, от которых невозможно было избавиться, даже зажмурившись.

Из колонок орала ритмичная танцевальная музыка, перемешанная с удушливым запахом дешёвого парфюма. Хуай Янь поморщился и прижал указательный палец к переносице.

Пространство между дверью и огромной кроватью перегораживал полупрозрачный балдахин из пестрых нитей. На кровати ничком лежал мужчина и в такт музыке небрежно постукивал пальцами по простыне.

Не дождавшись от гостя движения, мужчина нащупал пульт и выключил музыку. В комнате внезапно воцарилась звонкая тишина, нарушаемая лишь их дыханием.

— Пришёл? Что так долго? Иди в душ, приведи себя в порядок и только потом поднимайся ко мне.

Голос мужчины был густым и низким — словно штормовая волна, подброшенная ветром к самым небесам, а затем рухнувшая обратно в океан с шумной пеной.

Хуай Янь застыл как вкопанный, не в силах шевельнуться. Кровь в его жилах в одно мгновение превратилась в лед, мышцы спины окаменели, а кожа, казалось, вот-вот лопнет от напряжения.

Словно тысячи мелких насекомых побежали по его телу от самых пят к затылку, а в ушах зазвенело.

Этот голос Хуай Янь знал слишком хорошо. Это был голос, который преследовал его в бесчисленных снах. Голос его возлюбленного, погибшего три года назад. Голос Чжу Чэньюаня.

Хуай Янь мог ошибиться в чём угодно, но только не в этом голосе.

Пока он бежал, его причёска растрепалась, несколько тёмных прядей спустились с мыса на лбу и мягко легли на щеку, прикрывая дрожащие ресницы. Взгляд его оставался остекленелым.

— Ты чего замер? Заходи... — снова подал голос человек на кровати, едва заметно шевельнув губами.

Знакомый до боли голос, но совершенно чужой, холодный взгляд. Мужчина на кровати смотрел на Хуай Яня так, будто видел его впервые в жизни — в его глазах промелькнуло лишь легкое изумление от неожиданной красоты незнакомца.

Сердце Хуай Яня, сжавшееся в комок, и затуманенный разум не успевали осмыслить происходящее. Он не мог понять, почему человек, считавшийся мёртвым три года, снова стоит перед ним.

Но наткнувшись на этот совершенно чужой взгляд, Хуай Янь глубоко вдохнул, сжал кулаки и в три широких шага преодолел расстояние, с треском рванув пестрый балдахин.

Он влетел на кровать, с ходу засадил мужчине сапогом в лопатку и прижал его поясницу левым коленом. Снизу донесся сдавленный стон боли.

Но стоит Хуай Яню вспомнить этот чужой, равнодушный взгляд и свои мучительные три года одиночества, как ярость вспыхнула с новой силой.

Левой рукой он мёртвой хваткой вцепился в плечо мужчины, а правой выхватил из-за пояса

короткий нож и приставил лезвие к горлу своего «воскресшего мужа»:

— Чжу Чэньюань, мне плевать, живой ты или призрак! Вставай и марш со мной в Бюро гражданских дел — оформлять развод!

<http://bllate.org/book/20433/2106040>